

© 1994 г.

С.П. ЕДИН, А.А. МАГЛЕЕВ, В.М. ПАРФЕНОВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНОСОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ЕЛИН Сергей Петрович — кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории географии населения Института географии СО РАН. МАГЛЕЕВ Александр Аполлонович — заведующий отделом национальных отношений областной администрации Иркутской области. ПАРФЕНОВ Владимир Михайлович — кандидат географических наук, начальник регионального отдела Госкомсевера по Иркутской области.

В данной работе сделана попытка рассмотреть проблему социально-экономической реабилитации через призму оценки социального, демографического и хозяйственно-экономического положения, его исторических причин и предпосылок, концепций этнического природопользования в условиях современного техногенеза, хода федеральной и областной поддержки развития.

Коренные малочисленные народности Севера (МНС) в Иркутской области представлены преимущественно двумя этносами — тофаларами и эвенками. Первые сосредоточены в поселениях Восточного Саяна в пределах Нижнеудинского района, вторые — в северных районах области, главным образом в Катангском. Всего на середину 1993 г. численность тофаларов составляла более 630 человек (по сравнению с 1959 г. увеличение на 47%), а эвенков — более 1 250 человек (уменьшение на 30%). Компактное проживание тофаларов — 100%, эвенков — 80%; первые проживают в трех поселках. Сугубо эвенкийских поселений в области — четыре.

Социально-экономическое положение

Россия — на 2/3 северная страна. Суровость природно-климатических условий, периферийность огромных пространств, ограниченность транспортной доступности, исторически слабое развитие социально-бытовой инфраструктуры почти на всей территории ее Севера (11 млн. км²) во многом определяют качество жизни в целом и первейшие социальные потребности населения, в том числе этнического. Тофалария и ареалы проживания эвенков области — не исключение.

Элементарные потребности в разнообразной и высококалорийной пище, в товарах повседневного спроса, в соответствующей Северу одежде, в жилье, в уровне медицинского, культурно-просветительского, бытового и транспортного обслуживания далеко не удовлетворены. Анализ социальной сферы показывает, что 40% тофаларских семей живет в ветхих домах 20—30-х годов постройки и только 13% — в домах последнего десятилетия. Благоустроенного жилья здесь практически нет, а обеспеченность жильем ниже среднеобластной в 1,5—2 раза, как и объектами медицинского и бытового обслуживания. Помимо того, что районы проживания данных этносов имеют преимущественно ограниченные условия завоза грузов, для них характерна и низкая доступность социальной инфраструктуры. Число авиарейсов в Тофаларию из райцентра за 1990—1993 гг. снизилось с 6 до 1 раза в неделю, заметно уменьшилось и число вылетов по санзаданию; не лучше ситуация и в Катангском районе. Социальное положение усугублено высокой стоимостью необходимого набора и обуви при совершенно недостаточных денежных доходах. Средние размеры сберегательных вкладов в расчете на 1 человека на протяжении последних лет здесь были в 2,5—3 раза меньше, чем по области в целом.

Суровость географических условий, несбалансированное питание и другие обстоятельства являются предпосылками и причинами низкого уровня состояния здоровья. В Тофаларии и на Катанге (бассейн верховья Нижней Тунгуски) этот уровень у этносов ниже, чем даже у соседей — представителей русскоязычного населения. Преобладают болезни органов дыхания и пищеварения, системы кровообращения; характерны травмы и отравления у взрослого населения, в том числе вследствие злоупотребления алкоголем при известном отсутствии соответствующего иммунитета. Тяжелые условия труда охотников и оленеводов вызывают полиартрит, ревматизм, радикулит как профессиональные заболевания; растет число случаев туберкулеза, новообразований; широко распространены кариес и педикулез.

Совокупность названных обстоятельств заметно сказывается на социально-психологическом поведении и демографическом состоянии эвенков и тофаларов. За последние 10—12 лет рождаемость среди них сократилась почти вдвое, суммарный естественный прирост — почти втрое. В отдельных поселениях за последние два года зафиксировано превышение числа умерших над числом родившихся. Продолжительность жизни невысока. Доля населения старше трудоспособного возраста сегодня составляет 6,6% у тофаларов и 7,5% — у катангских эвенков. Для сравнения: среди прочих жителей Тофаларии и Иркутской области в целом соответствующие показатели равны 13,7% и 13,5%. В трудоспособном возрасте находятся 51—52% численности МНС рассматриваемых районов, моложе этого возраста — 41%.

Многодетные семьи характерны, однако многодетность сопровождается здесь трудностями материального обеспечения, воспитания и обучения. Школы-интернаты — не лучший вариант решения социальных вопросов молодежи, искусственно лишенной активного перенятия уникальных национальных навыков и опыта в промыслах, охоте, оленеводстве, жизненного уклада этноса в целом. Вместе с тем отмечено, что, получив среднее специальное или высшее образование далеко от дома, молодое поколение стремится к малой родине с ее таежной жизнью и хозяйством [1].

Образовательный уровень представителей МНС области невысок — в 3—3,5 раза ниже среднеобластного. В Тофаларии за последние 10 лет высшее и среднее специальное образование получили 15 человек, однако среди них нет ни одного юриста или экономиста, столь необходимых в период современного возрождения местного национального самоуправления. По социальному составу 80% трудящихся тофаларов рабочие, 12% — служащие; более 150 человек занято неквалифицированным трудом. Среди занятых эвенков Катанги 44% составляют разнорабочие, 37% — охотники и заготовители, 8% — работники народного образования.

Активная ассимиляция — еще одна важная сторона социально-экономического положения этносов области. Так, в середине 1993 г. только половина всех тофаларов проживала в неассимилированных семьях. Число этнически чистых тофаларов фактически уменьшается, хотя официальная статистика этого не воспринимает вследствие сложности вопроса о

критериях учета национальной принадлежности. Имея и положительные стороны аккультурации, симбиотических связей и кровосмешения, ассимиляция в целом на практике порой порождает негативные или спорные моменты в сфере межэтнических отношений. Имеет место и утрачивание этносами национальных традиций, знания родного языка, особенно в среде молодежи, а также ранее бытовавших форм социального и нравственного контроля.

Большинство трудоспособных представителей этносов работают в коопзверопромхозах (КЗПХ). Здесь ими добываются сотни и тысячи шкурок соболя, горностая, белки, заготавливается мясо диких животных и продукты промыслов. Однако очень низкие закупочные цены постоянно провоцируют таежных охотников на сверхнормативную добычу с целью последующей реализации «на стороне» по более высокой цене рыночного спроса. Опрос показывает, что из 7—10 добытых соболей сдается только 1—3.

Последние годы в районах в целом обостряется проблема занятости населения, этнического в частности, особенно среди женщин. В основных местах проживания этносов области в 1993 г. уровень безработицы ориентировочно достигал 20%.

По-видимому, подобные экстремальные условия существования характерны ныне для коренных малочисленных народов и других регионов. В очень сложном, по сути кризисном социально-экономическом положении страны любые, не только перспективные, но уже в первую очередь оперативного характера попытки и меры снижения социально-экономического напряжения и повышения качества жизни этнического населения видятся чрезвычайно необходимыми. Важное звено в реализации таких мер — местные органы административного и хозяйственного управления.

Исторические причины существующего положения этносов

Исследователи этносов Иркутской области истоки причин нынешнего кризисного состояния этих народов видят в искусственном, по сути насильственном переводе их на оседлость в 1930—1950 гг., в коллективизации кочевых хозяйств и сопряженных реорганизациях идеологического происхождения. До этого хозяйство аборигенов не было однотипным, а представляло собой мозаику региональных и локальных моделей природопользования, исторически сложившихся под влиянием комплекса факторов. Неучет этого всегда порождал проблемы в практике традиционного природопользования и межэтнических отношений.

Десятилетиями традиционное хозяйство эвенков и тофаларов подгонялось под общую модель сельского промыслового хозяйства. Практика слияния мелких хозяйств и концентрации прежде кочевого населения в созданных поселках привела к резкому сужению и нарушению естественной сырьевой базы охоты, оленеводства и рыболовства, свертыванию хозяйства. Поголовье оленей в Катангском районе с 30-х годов снизилось с 5 тыс. до 500 голов; охотничье товарное хозяйство сузилось практически до одной пушной охоты. «Национальное строительство» в Тофаларии шло аналогично, и перевод на оседлость привел в начале 30-х к образованию здесь трех колхозов. Впоследствии в результате кардинального изменения системы выпаса оленей резко возросли нагрузки на ближние пастбища. По сути шло разрушение всей системы традиционного хозяйства, а несвойственное этносам животноводство и огородничество обречены были на нерентабельность.

В 30—50-е годы изменения в организации среды и типов расселения и вынужденные миграции привели не только к свертыванию традиционного хозяйства, но и к изменениям в сознании аборигенов, потере интереса к прежнему быту. «Окончательное» отчуждение бывшей собственности коренных жителей связано с преобразованием колхозов этих районов в КЗПХ в 60-е годы. Практически только приусадебные участки остались у жителей поселков типовой застройки, а оленеводство, как отрасль хозяйства, стало нерентабельным.

В результате недавних экспедиционных исследований в Тофаларии установлен ряд ключевых факторов социально-экономического и правового характера, определяющих современное состояние этноса: сложившаяся система отношений до сих пор несет в себе черты государственного феодализма.

О концепциях этнического природопользования

В недавнее время существовало несколько концепций этнического природопользования (ПП) в условиях индустриального освоения, техногенеза. Две из них — полярные: Института этнографии АН СССР, ныне РАН [2] и Региональной межведомственной комиссии СО АН СССР, АМН СССР и ВАСХНИЛ [3]. Первая предусматривает максимальное сохранение и

реализацию этнического ПП и национальных культур как единственную основу современного существования малочисленных этносов; государственная программа масштабной организационной и финансовой поддержки должна стать основным средством достижения этого. Вторая исходит из неизбежности процессов индустриального освоения Севера и интернационализации коренного населения; предлагаемые меры ориентированы на облегчение этих процессов с поощрением перехода малочисленных этносов к труду в промышленности и путем содействия их урбанизации с изменением образовательной и социальной структуры в целом.

Срединное место имеет концепция «Сибирское руно», принадлежащая Ассоциации развития национальных территорий Сибири, Севера и Дальнего востока. Ее суть — в индустриализации национального ПП на основе максимального обеспечения отраслей хозяйства современной техникой и более глубокой, чем в существующей национальной традиции, переработке сырья; здесь содержится ориентация на полупромышленное производство товарной, в том числе экспортной продукции.

Четвертый концептуальный подход — решение проблем этнического ПП наиболее демократичным путем в условиях реальной национальной автономии. Подход основан на положении, что «любой народ вправе законодательно, т.е. государственно, определить свою территорию и права на нее, пусть даже в рамках более или менее значительных ретроспекций» [4]. Здесь цель — рост местных форм самоуправления в условиях правовой и хозяйственной самостоятельности отдельных общин со снятием противоречий между традиционной и интернационализированной моделями развития путем свободы выбора. Часть этнических северян уже не может жить исключительно за счет потребительской охоты, рыболовства и кочевого оленеводства. Но, как отмечает И.И. Крупник, «путь к этому должен быть открыт для всех: как форма постоянной занятости или как дополнительный источник дохода, или, наконец, как способ сохранения культурных традиций, национального образа жизни» [5, с. 235].

Данный концептуальный подход в отношении тофаларов и эвенков Иркутской области в качестве ключевого момента предусматривает урегулирование их прав на территории исторических хозяйственных ареалов, которые могут быть реально освоены в наше время, а также возможное сбережение последних от неконтролируемого индустриального вмешательства. Взвешенное воссоздание национальных общин здесь рассматривается как наиболее традиционный путь для этносов. Он содержит предпосылки формирования ключевых элементов реальной национальной автономии для крупных сосредоточений этноса. Но при этом нецелесообразен отказ и от других вариантов социально-экономической реабилитации и развития.

Существующие в настоящее время правовые нормы и противоречия между общинными и частными формами хозяйствования на фоне общих кризисных явлений значительно осложняют поиск и движение к оптимальной модели этнического ПП. Вместе с тем возникновение частных и групповых форм деятельности на базе общинных может снять имеющиеся противоречия в результате накопления и перенятия положительного опыта. В этом формирующимся этнохозяйственным структурам должна быть оказана целенаправленная государственная поддержка — правовая, финансовая, организационная, научная — с целью их максимальной адаптации к современным социально-экономическим условиям и развития основ саморегуляции.

Возможные пути и методы социально-экономической реабилитации

Как справедливо отмечается, современные проблемы малочисленных этносов можно объединить в четыре основных узла: национально-возрожденческие движения и борьба за политические права; борьба за территории и ресурсы; экономика и источники существования; культура и образование [6].

Направленность политической деятельности эвенков и тофаларов сводится преимущественно к фиксации территориальных прав этих этносов на владение и пользование их исконными землями, к политическому самоопределению и местному самоуправлению на своих этнических территориях, к участию в принятии хозяйственных решений на своей земле и в распределении доходов от эксплуатации ее ресурсов, к возможности самостоятельного этнокультурного развития.

Само возникновение такого рода политических движений в России и конкретно в Сибири свидетельствует, на наш взгляд, о несостоятельности в значительной мере всей предыдущей государственной политики в сфере социально-экономического развития малочисленных

этносов. Новая концепция этой политики должна строиться преимущественно «снизу» — от локальных и региональных этнических моделей ПП и традиционного хозяйственного комплекса, местного самоуправления, социально-культурного развития. Основной целью формирующейся и будущей государственной политики в отношении этих этносов видится помощь последним в выборе пути дальнейшего социально-экономического развития: вовлечение в нарождающуюся рыночную экономику и развитие предпринимательства; развитие традиционных отраслей хозяйства; смешанный вариант. На наш взгляд, в условиях Тофаларии и эвенкийских территорий области наиболее приемлем смешанный путь с ориентацией на эволюционное вхождение в рыночное хозяйство, с развитием элементов этнического предпринимательства и с определенной адресностью стартовой финансовой поддержки государства.

Выход на более высокий, чем сейчас, уровень социально-экономического развития у тофаларов и эвенков возможен лишь после решения вопроса о собственности на охотничьи угодья.

Вместе с тем вхождение малочисленных этносов в рыночные отношения — процесс непростой и по ряду обстоятельств даже болезненный. Только максимально возможный учет психологических, нравственно-этнокультурных и даже индивидуальных особенностей аборигенов при вовлечении их в новые виды деятельности, корректная и квалифицированная помощь в регулировании их взаимоотношений с новыми работодателями позволят им постепенно входить в новые отношения. Опыта таких отношений у аборигенов Сибири практически нет, и это требует определенной государственной поддержки, возможно, в виде организации специальных экспериментов и предоставления субсидий предпринимательским структурам, действующим в районах традиционного ПП.

Отечественные региональные традиции, а также опыт северных территорий США и Канады показывают, что путь аборигенов Сибири к рыночным отношениям через воссоздание национальных общин не только возможен, но и целесообразен. Это не значит, что у них не должно быть индивидуального предпринимательства, просто последнее должно естественным образом вызреть. А форсированное вхождение в рынок вызывает социальное расслоение внутри малочисленных этносов и играет, как правило, дестабилизирующую роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Елин С.П.* Этносоциальные проблемы Тофаларии // География и природные ресурсы. 1993. № 3. С. 121—128.
2. Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г. Концепция развития. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1988.
3. *Бойко В.И.* Социально-экономическое развитие народностей Севера. Программа координационных исследований. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988.
4. *Ишмуратов Б.М.* Этническое природопользование // Проект концепции развития производительных сил Иркутской области на период 1993—2005 гг. Иркутск, 1992.
5. *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.
6. *Агранат Г.А.* Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки. Итоги науки и техники/Сер.: Теоретические и общие вопросы географии. Том 10. М.: ВИНТИ, 1992.